

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Х37

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernest Hemingway

IN OUR TIME
MEN WITHOUT WOMEN
WINNER TAKES NOTHING
THE FIFTH COLUMN
AND THE FIRST FORTY-NINE STORIES

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust
и литературного агентства Fort Ross, Inc.

Хемингуэй, Эрнест.

Х37 Снега Килиманджаро : [сборник : перевод с английского] / Эрнест Хемингуэй. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-106099-2

В творчестве Хемингуэя произведения короткой формы всегда занимали особое место. В этот сборник вошли рассказы разных лет, в том числе «визитные карточки» писателя — «Снега Килиманджаро» и «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера». Как всегда, проза Хемингуэя — очень личная, во многом автобиографичная. В этих рассказах отразились влюбленность писателя в Африку, его любовь к охоте и, конечно же, его душевные переживания, его взаимоотношения с женщинами, воспоминания о Париже и о войне.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1924,
1925, 1927, 1933, 1938

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-106099-2

Из книги
«В НАШЕ ВРЕМЯ»

Глава первая

Все были пьяны. Пьяна была вся батарея, в темноте двигавшаяся по дороге. Мы двигались по направлению к Шампани. Лейтенант то и дело сворачивал с дороги в поле и говорил своей лошади: «Я пьян, топ vieux , я здорово пьян. Ох! Ну и накачался же я». Мы шли в темноте по дороге всю ночь, и адъютант то и дело подъезжал к моей кухне и твердил: «Затуши огонь. Опасно. Нас заметят». Мы находились в пятидесяти километрах от фронта, но адъютанту не давал покоя огонь моей кухни. Чудно было идти по этой дороге. Я в то время был старшим по кухне.*

1923

ИНДЕЙСКИЙ ПОСЕЛОК

На озере у берега была причалена чужая лодка. Возле стояли два индейца, ожидая.

Ник с отцом перешли на корму, индейцы оттолкнули лодку, и один из них сел на весла. Дядя

© Перевод. О. Холмская, наследники, 2017.

* Дружище (фр.).

Джордж сел на корму другой лодки. Молодой индеец столкнул ее в воду и тоже сел на весла.

Обе лодки отплыли в темноте. Ник слышал скрип уключин другой лодки далеко впереди, в тумане. Индейцы гребли короткими, резкими рывками. Ник прислонился к отцу, тот обнял его за плечи. На воде было холодно. Индеец греб изо всех сил, но другая лодка все время шла впереди в тумане.

— Куда мы едем, папа? — спросил Ник.

— На ту сторону, в индейский поселок. Там одна индианка тяжело больна.

— А... — сказал Ник.

Когда они добрались, другая лодка была уже на берегу. Дядя Джордж в темноте курил сигару. Молодой индеец вытащил их лодку на песок. Дядя Джордж дал обоим индейцам по сигаре.

От берега они пошли лугом по траве, насквозь промокшей от росы; впереди молодой индеец нес фонарь. Затем вошли в лес и по тропинке выбрались на дорогу, уходившую вдаль, к холмам. На дороге было гораздо светлей, так как по обе стороны деревья были вырублены. Молодой индеец остановился и погасил фонарь, и они пошли дальше по дороге.

За поворотом на них с лаем выбежала собака. Впереди светились огни лачуг, где жили индейцы-корьевщики. Еще несколько собак кинулись на них. Индейцы прогнали собак назад, к лачугам.

В окне ближней лачуги светился огонь. В дверях стояла старуха, держа лампу. Внутри на де-

ревянных нарах лежала молодая индианка. Она мучилась родами уже третьи сутки. Все старухи поселка собрались возле нее. Мужчины ушли по-дальше; они сидели и курили в темноте на дороге, где не было слышно ее криков. Она опять начала кричать, как раз в ту минуту, когда оба индейца и Ник вслед за отцом и дядей Джорджем вошли в барак. Она лежала на нижних нарах, живот ее горой поднимался под одеялом. Голова была повернута набок. На верхних нарах лежал ее муж. Три дня тому назад он сильно поранил ногу топором. Он курил трубку. В лачуге очень дурно пахло.

Отец Ника велел поставить воды на очаг и, пока она нагревалась, говорил с Ником.

— Видишь ли, Ник, — сказал он, — у этой женщины должен родиться ребенок.

— Я знаю, — сказал Ник.

— Ничего ты не знаешь, — сказал отец. — Слушай, что тебе говорят. То, что с ней сейчас происходит, называется родовые схватки. Ребенок хочет родиться, и она хочет, чтобы он родился. Все ее мышцы напрягаются для того, чтобы помочь ему родиться. Вот что происходит, когда она кричит.

— Понимаю, — сказал Ник.

В эту минуту женщина опять закричала.

— Ох, папа, — сказал Ник, — разве ты не можешь ей дать чего-нибудь, чтобы она не кричала?

— Со мной нет анестезирующих средств, — ответил отец. — Но ее крики не имеют значения.

Я не слышу ее криков, потому что они не имеют значения.

На верхних нарах муж индианки повернулся лицом к стене. Другая женщина в кухне знаком показала доктору, что вода вскипела. Отец Ника прошел на кухню и половину воды из большого котла отлил в таз. В котел он положил какие-то инструменты, которые принес с собой завернутыми в носовой платок.

— Это должно прокипеть, — сказал он и, опустив руки в таз, стал тереть их мылом, принесенным с собой из лагеря.

Ник смотрел, как отец трет мылом то одну, то другую руку. Прodelывая это с большим старанием, отец одновременно говорил с Ником.

— Видишь ли, Ник, ребенку полагается идти головой вперед, но это не всегда так бывает. Когда это не так, он всем доставляет массу хлопот. Может быть, понадобится операция. Сейчас увидим.

Когда он убедился, что руки вымыты чисто, он прошел обратно в комнату и приступил к делу.

— Отверни одеяло, Джордж, — сказал он, — я не хочу к нему прикасаться.

Позже, когда началась операция, дядя Джордж и трое индейцев держали женщину. Она укусила дядю Джорджа за руку, и он сказал: «Ах, сукина дочь!» — и молодой индеец, который вез его через озеро, засмеялся. Ник держал таз. Все это тянулось очень долго.

Отец Ника подхватил ребенка, шлепнул его, чтобы вызвать дыхание, и передал старухе.

— Видишь, Ник, это мальчик, — сказал он. — Ну, как тебе нравится быть моим ассистентом?

— Ничего, — сказал Ник. Он смотрел в сторону, чтобы не видеть, что делает отец.

— Так. Ну, теперь все, — сказал отец и бросил что-то в таз.

Ник не смотрел туда.

— Ну, — сказал отец, — теперь только наложить швы. Можешь смотреть, Ник, или нет, как хочешь. Я сейчас буду зашивать разрез.

Ник не стал смотреть. Всякое любопытство у него давно пропало.

Отец кончил и выпрямился. Дядя Джордж и индейцы тоже поднялись. Ник отнес таз на кухню.

Дядя Джордж посмотрел на свою руку. Молодой индеец усмехнулся.

— Сейчас я тебе промою перекисью, Джордж, — сказал доктор.

Он наклонился над индианкой. Она теперь лежала совсем спокойно, с закрытыми глазами. Она была очень бледна. Она не сознавала, ни что с ее ребенком, ни что делается вокруг.

— Я приеду завтра, — сказал доктор. — Сиделка из Сент-Игнеса, наверно, будет здесь в полдень и привезет все, что нужно.

Он был возбужден и разговорчив, как футболист после удачного матча.

— Вот случай, о котором стоит написать в медицинский журнал, Джордж, — сказал он. — Кесарево сечение при помощи складного ножа и швы из девятифутовой вяленой жилы.

Дядя Джордж стоял, прислонившись, к стене, и разглядывал свою руку.

— Ну еще бы, ты у нас знаменитый хирург, — сказал он.

— Надо взглянуть на счастливого отца. Им, пожалуй, всех хуже приходится при этих маленьких семейных событиях, — сказал отец Ника. — Хотя, должен сказать, он это перенес на редкость спокойно.

Он откинул одеяло с головы индейца. Рука его попала во что-то мокрое. Он стал на край нижней койки, держа в руках лампу, и заглянул наверх. Индеец лежал лицом к стене. Горло у него было перерезано от уха до уха. Кровь лужей собралась в том месте, где доски прогнулись под тяжестью его тела. Голова его лежала на левой руке. Открытая бритва, лезвием вверх, валялась среди одеял.

— Уведи Ника, Джордж, — сказал доктор.

Но он поздно спохватился. Нику от дверей кухни отлично были видны верхняя койка и жест отца, когда тот, держа в руках лампу, повернул голову индейца.

Начинало светать, когда они шли обратно по дороге к озеру.

— Никогда себе не прощу, что взял тебя с собой, Ник, — сказал отец. Все его недавнее возбуждение прошло. — Надо ж было случиться такой истории.

— Что, женщинам всегда так трудно, когда у них родятся дети? — спросил Ник.

— Нет, это был совершенно исключительный случай.

— Почему он убил себя, папа?

— Не знаю, Ник. Не мог вынести, должно быть.

— А часто мужчины себя убивают?

— Нет, Ник. Не очень.

— А женщины?

— Еще реже.

— Никогда?

— Ну, иногда случается.

— Папа!

— Да?

— Куда пошел дядя Джордж?

— Он сейчас придет.

— Трудно умирать, папа?

— Нет. Я думаю, это совсем нетрудно, Ник. Все зависит от обстоятельств.

Они сидели в лодке: Ник — на корме, отец — на веслах. Солнце вставало над холмами. Плеснулся окунь, и по воде пошли круги. Ник опустил руку в воду. В резком холоде утра вода казалась теплой.

В этот ранний час на озере, в лодке, возле отца, сидевшего на веслах, Ник был совершенно уверен, что никогда не умрет.

Глава вторая

За топкой низиной виднелись сквозь дождь минареты Адрианополя. Дорога на Карачаг была на тридцать миль забита повозками. Волы и буйволы тащили их по непролазной грязи. Ни конца, ни начала. Одни повозки, груженные всяким скарбом. Старики и женщины, промокшие до костей, шли вдоль дороги, подгоняя скотину. Марица неслась, желтая, почти вровень с мостом. Мост был сплошь забит повозками, и верблюды, покачиваясь, пробирались между ними. Поток беженцев направляла греческая кавалерия. В повозках среди узлов, матрацев, зеркал, швейных машин ютились женщины с детьми. У одной начались роды, и сидевшая рядом с ней девушка прикрывала ее одеялом и плакала. Ей было страшно смотреть на это. Во время эвакуации не переставая лил дождь.

ДОКТОР И ЕГО ЖЕНА

Дик Болтон явился из индейского лагеря, чтобы распилить бревна для отца Ника. Он привел с собой сына Эдди и еще одного индейца по име-

© Перевод. К. Егорова, 2017.

ни Билли Тэбешо. Они пришли из леса, через заднюю калитку. Эдди нес длинную поперечную пилу, и она с мелодичным звуком хлопала его по плечу. Билли Тэбешо ташил два больших багра. Дик нес под мышкой три топора.

Дик задержался, чтобы прикрыть калитку. Остальные сразу направились на берег озера, где лежали занесенные песком бревна.

Они отбились от больших бонов, которые буксировал на лесопильню пароход «Мэджик». Бревно вынесло на берег, и если оставить их лежать, рано или поздно команда «Мэджика» приплывет на гребной шлюпке, заметит бревна, загонит в каждое по железному костылю с кольцом и вытащит их на середину озера, чтобы собрать новый бон. Однако лесорубы могут и не появиться, ведь несколько бревен не стоят денег, которые нужно заплатить команде. И если никто не придет, бревна превратятся в топляк и сгниют на песке.

Отец Ника считал, что так и будет, а потому нанял индейцев, чтобы те распилили бревна поперечной пилой и накололи поленьев для камина. Дик Болтон миновал дом и спустился к озеру. На берегу лежали четыре больших буковых бревна, почти полностью занесенные песком. Эдди повесил пилу в развилку дерева. Дик положил топоры на небольшую пристань. Он был полукровкой, и многие местные фермеры считали его белым. Он был очень ленив, но если брался за дело, трудился на совесть. Дик достал из кармана плитку табака, откусил кусок и заговорил на оджибве с Эдди и Билли Тэбешо.

Индейцы воткнули крючья багров в одно из бревен и раскачали его, чтобы высвободить из песка. Потом навалились на рукоятки. Бревно сдвинулось. Дик посмотрел на отца Ника и сказал:

— Отличную древесину ты своровал, док.

— Не надо так говорить, Дик, — возразил доктор. — Это плавник.

Эдди и Билли Тэбешо высвободили бревно из мокрого песка и откатали к воде.

— Толкайте в воду! — крикнул им Дик Болтон.

— Зачем это? — спросил доктор.

— Нужно его отмыть. Песок мешает пилить. И я хочу поглядеть, чье оно, — ответил Дик.

Бревно покачивалось на воде. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, потея на солнце. Дик опустился на колени, изучил отпечаток молотка сортировщика на конце бревна.

— Оно принадлежит Уайту и МакНэлли, — объявил он, поднимаясь и отряхивая брюки.

Доктор явно чувствовал себя неловко.

— Значит, не стоит его пилить, Дик, — бросил он.

— Не сердись, док, — сказал Дик. — Не сердись. Мне плевать, у кого ты их украл. Это не мое дело.

— Если ты думаешь, что бревна краденые, оставь их в покое и убирайся обратно в лагерь, — рявкнул доктор. Его лицо покраснело.

— Не кипятись, док, — сказал Дик и сплюнул табачным соком на бревно. Слюна стекла в воду,

расплылась. — Ты сам прекрасно знаешь, что они краденые. Мне все равно.

— Ну ладно. Раз ты думаешь, что бревна краденые, забирай свои вещи и проваливай.

— Послушай, док...

— Забирай вещи и проваливай.

— Док.

— Еще раз назовешь меня доком, и я вколочу твои зубы тебе в глотку.

— Это вряд ли, док.

Дик Болтон посмотрел на доктора. Дик был крупным парнем и знал это. Ему нравилось драться. Он наслаждался ссорой. Эдди и Билли Тэбешо стояли, опершись на багры, и глядели на доктора. Доктор пожевал бороду на нижней губе, посмотрел на Дика Болтона. Потом развернулся и зашагал к дому на холме. Спина доктора буквально дрожала от ярости. Индейцы провожали его взглядом, пока он не скрылся в доме.

Дик сказал что-то на оджибве. Эдди рассмеялся, но Билли Тэбешо был очень серьезен. Он не понимал по-английски, однако потел все время, пока шла перепалка. Билли Тэбешо был толстым, с жиденькими, как у китайца, усиками. Он взял багры, Дик захватил топоры, а Эдди снял с дерева пилу. Они прошли мимо дома и вышли через заднюю калитку. Дик оставил калитку распахнутой. Билли Тэбешо вернулся и притворил ее. Индейцы скрылись в лесу.